

*А. А. Павильч,
доцент кафедры культурологии
Минского государственного
лингвистического университета,
кандидат педагогических наук*

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ОСМЫСЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Парадигма компаративных исследований культуры зарождалась в контексте имплицитного осмысления разнообразия культуры и затем последовательно формировалась в процессе становления и развития научных основ социального и гуманитарного знания. Памятники письменности позволяют проследить развитие компаративных представлений и идей на раннем этапе оформления сравнительного знания о культуре. Рефлексия социокультурной действительности отразилась в фольклорном, историческом, философском, религиозном, поэтическом дискурсах, располагающих собственными средствами осмысления культурного разнообразия мира и способами репрезентации межкультурных различий. Преобладающей формой репрезентации компаративного опыта в мировом наследии книжной культуры являлось сравнительное описание. Описательная краеведческая и аналитическая информация оценочного характера, отражающая взгляд на собственную и чужую культуры, содержится в разнообразных текстах религиозного и светского содержания, включая христианскую каноническую литературу, поэтические и философские сочинения, летописи, хроники, «хождения», дневники и мемуары путешественников и паломников.

С древнейших времен путешествия, мотивированные религиозными миссиями, паломничеством, дипломатическими, торговыми, военно-политическими целями, способствовали накоплению знаний о чужеземных народах, поскольку предоставляли возможность для непосредственных этнографических наблюдений, сбора и критической оценки фактического материала. Мишель Монтень обратил внимание на то, что познавательный смысл поездок в чужие края не исчерпывается желанием непосредственного восприятия образов и фактов, отличающих пространство другой культуры. По его мнению, более значимым результатом путешествия является способность человека «вывезти

оттуда знание духа этих народов и их образа жизни, и для того также, чтобы отточить и отшлифовать свой ум в соприкосновении с умами других» [1, с. 188].

В последующие историко-культурные эпохи путешествие сохраняло статус безальтернативного эмпирического способа постижения поликультурного мира и важной формы межкультурной коммуникации, предвосхитив научную методологию полевых исследований в дальнейших антропологических открытиях. Познавательный потенциал путешествия составил основу остающейся до сих пор популярной художественной и философской публицистики, позволявшей в форме путевых заметок излагать авторские суждения о культуре разных народов мира и осмыслять межкультурные различия. Компаративная интерпретация культурной информации на основе личных впечатлений широко представлена в творчестве Н. М. Карамзина («Письма русского путешественника»); Ю. Фукудзавы («Руководство для путешествующих по Западу», «Как живут на западе»); Дж. Оруэлла («Англичане»); Ж. Бодрийара («Америка»); В. Овчинникова («Корни дуба», «Ветка сакуры», «Дуб и сакура») и многих других.

Текстуальная констатация опыта восприятия поликультурного пространства в источниках древнейшего времени сведена преимущественно к описательной информации о конкретной культурной среде на фоне другого социального окружения (Геродот, «История»; Аристотель, «Политика», «Этика»; Тацит, «Германия»; Иосиф Флавий, «Иудейские древности»; Марко Поло, «Книга о разнообразии мира» и др.). В сопоставительных наблюдениях преобладали личные впечатления авторов письменных свидетельств. В компаративных взглядах, как правило, доминировали этноцентристские оценки образа жизни, обычаев, творческой деятельности и религиозных верований разных народов. Текстологический анализ позволяет установить, что главным основанием для обнаружения контрастов в сопоставляемых культурах в большинстве случаев являлись религиозные различия.

Анализ мирового наследия книжной культуры дает возможность проследить генезис и эволюцию сравнительного знания о повседневной жизни разных этнонациональных общностей. Опыт компаративной оценки реалий повседневной культуры, отраженный в литературно-художественном творчестве, отличается многоаспектностью своего содержания и способов репрезентации.

Осмысление межкультурных различий в собственно литературных текстах является примером поэтической рефлексии поликультурного мира. Повседневная культура отразилась в компаративной репрезентации реалий быта и хозяйственной организации, семейной и религиозной жизни, досуга и развлечений, традиций, обычаев, норм жизнедеятельности и взаимодействия в социокультурном пространстве.

Формированию научных основ сравнительного изучения культурных реалий способствовало углубление аналитических подходов и развитие теоретических обобщений в интерпретации несоответствий между культурами (Мишель Монтень, Дж. Вико, Ш. Л. Монтескьё, Вольтер, И. Г. Гердер, В. Гумбольдт, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Ф. Ницше и др.). Философская рефлексия культуры, исторические, филологические, искусствоведческие, религиоведческие и антропологические поиски XIX – начала XX в. обусловили развитие эмпирической и теоретической базы культурологической компаративистики и определили последующее выделение ее собственной предметной сферы и оригинальных направлений анализа. Оформление парадигмы сравнительно-исторических исследований и ее последующее утверждение во многих отраслях гуманитарного знания способствовало развитию аналитических подходов в осмыслении поликультурного мира. Научные открытия в филологии, религиоведении, этнологии, искусствоведении основывались на расшифровке, переводах и текстологическом изучении письменных первоисточников. До начала XX в. главной эмпирической базой для компаративной интерпретации культур были результаты сравнительно-исторических исследований в языкознании, фольклористике, мифологии, этнографии. Доминировавший в науке исторический аспект соотношения цивилизаций постепенно уступил сопоставительному анализу социокультурных систем, сосуществующих в одном временном пространстве. Соответственно компаративные построения в культурологии и антропологии не могли исчерпываться археологическими и палеонтологическими свидетельствами, данными историко-культурной, лингвистической и этнокультурной реконструкции.

Компаративная модель интерпретации культуры, оформившаяся в западной антропологии до середины XX в., впоследствии развивалась в специализированных сферах социального и гуманитарного знания. Парадигмальные изменения в социокуль-

турном пространстве обусловили появление новых исследовательских приоритетов и способствовали переносу акцентов на решение актуальных проблем современного общества. Трансформация парадигмы сравнительных исследований культуры выражается в усложнении их структуры и содержания, модернизации и корректировании проблемных полей, реализации новых научных принципов и методологических подходов в анализе.

Распространенные тенденции современных компаративных поисков свидетельствуют об интегративных путях решения проблемы обеспечения встречи и конструктивного сосуществования культур в гетерогенном обществе, в то время как проекты сравнительных исследований в западной антропологии XIX – начала XX в. были сосредоточены преимущественно на изучении жизнедеятельности традиционных обществ. При этом научный интерес к ним нередко мотивировался колониальной политикой западного мира, нуждавшегося в комплексных знаниях о завоеванных европейцами территориях и народах для дальнейшего утверждения своего господства. Однако в современной компаративистике по сравнению с антропологическими традициями значительно уменьшилась роль непосредственного опыта наблюдения и текстологического анализа, что вполне объяснимо многочисленными возможностями и ресурсами информационного пространства в условиях медиацизма, хотя подобные альтернативы не всегда убедительны по степени их фактической достоверности и содержательной глубины. В отличие от классической схемы поэтапного сравнительного анализа становится ощутимым стремление к упрощению его структуры. Сравнительная интерпретация реалий современной культуры нередко сводится к философской рефлексии ее фактов, явлений и событий и замыкается в ней как в первостепенной задаче компаративистики, а, следовательно, компаративные интенции растворяются в формате философской эссеистики.

В рассмотрении содержания дискурсов и оценке их возможностей репрезентации компаративного знания, как правило, не учитываются факты интерактивности и органичного переплетения текстовых единств. В этой связи представляется неуместной категоричность дифференциации философского, религиозного, этнонационального, историко-культурного и других взаимосвязанных типов дискурса. Степень сращения или обосо-

бления дискурсов в культуре не является показателем ее прогрессирования или отсталости. История западной и русской культуры располагает слишком разнообразными и противоречивыми фактами, чтобы выводить бесспорную закономерность относительно временной, пространственной, идеологической обусловленности разделения или синтеза дискурсов. Если учесть, что письменность на протяжении тысячелетий обладала особым статусом, являясь мощным коммуникативным средством, хотя и не всегда общедоступным, то при отсутствии других альтернатив литературоцентризм был вполне типичным явлением. В средневековой культуре в условиях церковной монополизации социокультурных сфер дискурсы не могли не синтезироваться в пределах идеологически ангажированной книжности. Религиозный дискурс из числа всех других, независимо от фактора времени, был и остается относительно закрытым для взаимодействия.

Альтернатива литературоцентризму появилась в процессе социокультурной трансформации и утверждения новой коммуникативной парадигмы медиацентризма. При этом даже в условиях медиацентризма дискурсы не стали абсолютно автономными. Несмотря на актуальные для декаданса и модерна тенденции разрушения целостности художественного языка, факт взаимодействия и сращения дискурсов оставался актуальным, еще более проявляясь в культуре постмодерна. Распространенной формой отражения компаративной рефлексии культуры является философская эссеистика, характерная особенно для современной западной культуры и отличающаяся синкретизмом дискурсов. Она занимает промежуточное положение между художественной, научной и массовой публицистикой (Ж. Бодрийар, С. Хантингтон, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма). В этом смысле неправомерно отождествлять литературоцентризм с концентрацией дискурсов исключительно в художественном тексте. Художественный литературоцентризм заметно вытеснен современным междисциплинарным дискурсом, сформировавшимся на пограничье социогуманитарного знания и философской рефлексии.

Вопрос о связи или автономии дискурсов является слишком многоаспектным и не может рассматриваться на основе одномерных подходов. Следует различать внешний и внутренний уровни их соотношения. С одной стороны, можно утверждать о переплетении фольклорного, художественного, историко-культурного, религиозного, политического, философского дис-

курсов, а с другой – интерпретировать проблему внутри отдельно взятого: соотносить реалии конфессиональных культур в рамках религиозного дискурса; этнокультурные традиции в пределах этнонационального дискурса. В данном случае целесообразно утверждать о межкультурном дискурсе. Несмотря на взаимодействие разных содержательных дискурсов, внутри каждого различают дискурсии схождения, различий и диалога текстов разных культур – в совокупности конструирующих межкультурный дискурс.

Структурно-содержательная логика и опыт сравнительных исследований культуры позволяют отождествлять их компетенцию со сферой анализа межкультурного дискурса, предполагающего соотношение социокультурных систем, цивилизационных комплексов, исторических, региональных, этнонациональных, конфессиональных типов культуры. Сущность межкультурного дискурса обычно сводят к взаимодействию (диалогу) культур. В контексте сравнительных исследований межкультурный дискурс целесообразно отождествлять с репрезентацией и рефлексией подобия и несоответствий в текстах разных культур, а также с проекцией интерактивных процессов в синхроническом и диахроническом аспектах. Понятие интерактивности в целом не исчерпывается фактами взаимодействия самих дискурсов и одновременно подразумевает способность текстовой целостности к рецепции поликультурной действительности и ее коммуникативных процессов. Межкультурный дискурс нельзя сводить к дискурсу мультикультурализма. Межкультурный дискурс – более сложная метакатегория, связанная с конструированием дискурсивного подобия, схождения и взаимодействия (диалога) разных культур. Он предполагает соотношение культурных текстов (в широком смысле) с целью установления параллелей и контрастов между ними, и при этом сравниваемые дискурсы могут быть абсолютно закрытыми для взаимодействия [2, с. 124–125].

Понятие *межкультурный дискурс* не следует смешивать с метакатегориями *интердискурс* и *интрадискурс*, введенными представителями французской школы анализа дискурса М. Пешё, П. Серию и использующимися в разных постмодернистских интерпретациях культуры. Интердискурс понимают как совокупность внешних социокультурных и языковых факторов,

обуславливающих специфику текстовой целостности. Интердискурс допускает совершенную открытость любых дискурсивных практик и исключает «контрастное соположение дискурсивных формаций, рассматриваемых независимо одна от другой». Интердискурсивность рассматривается как совместная артикуляция различных дискурсов и жанров «в одном коммуникативном событии», результатом чего становится «изменение границ и внутри строя дискурса, и между различными дискурс-строями». Интердискурсивность представляется своеобразной формой интертекстуальности. Интрадискурс, являясь альтернативным интердискурсу, подразумевает внутреннее присутствие в тексте элементов (следов) внешнего дискурса [3, с. 553].

1. *Монтень, М.* Опыты: в 3 кн. : пер. с фр. / М. Монтень. – СПб. : Кристалл : Респекс, 1998. – Кн. 1–2. – 960 с.

2. *Павильч, А. А.* Становление и трансформация статуса культурологической компаративистики / А. А. Павильч. – Минск : МГЛУ, 2011. – 260 с.

3. *Серио, П.* Анализ дискурса во французской школе : дискурс и интердискурс / П. Серио // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. – М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2001. – С. 549–561.